

УДК 821.161.1

БОГОСЛУЖЕБНАЯ ПОЭТИКА ЛИРИКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ОПЫТ ИНТЕР- ТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Волкова Анна Геннадьевна

кандидат филологических наук,
проректор по научной работе,
доцент кафедры исторических
и церковно-практических дисциплин,
Калужской духовной семинарии
E-mail: kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

Для цитирования: Волкова А. Г. Богослужебная поэтика лирики серебряного века: опыт интертекстуального анализа // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 194–206.

Аннотация

Статья посвящена анализу поэзии Серебряного века в контексте богослужебного языка. В ряде стихотворений А. Блока, И. Анненского прослеживается использование литургических (богослужебных) лексем и оборотов, которые не только имеют эстетическую функцию, но и являются средством выражения особых сакральных смыслов. Таким образом, происходит своеобразная сакрализация поэтического языка, что особенно ярко проявилось в лирике символистов.

Ключевые слова: Серебряный век; поэтика; интертекст; литургический контекст; богослужебная лексика; сакрализация.

Серебряный век в истории русской культуры характеризуется как неоднозначный период: с одной стороны, это время небывалого культурного подъема, с другой – время, в которое многие ощущали трагизм бытия, быстротечность человеческой жизни и хрупкость этого мира. Подобная бинарная оппозиция в мировоззрении представляет собой отличительную черту переходных эпох, когда “the time is out of joint” – «время вывихнуло сустав», по выражению Шекспира, устами Гамлета давшего определение таким периодам.

В литературоведении существует точка зрения, согласно которой русская литература строится на пасхальном архетипе, то есть на представлении о смерти и воскресении как о ключевых моментах истории человечества. В то же время указывается на изменение мировоззренческой доминанты в конце XIX – начале XX века, когда пасхальный архетип сменился архетипом рождественским: «Поэтика лирики Серебряного века... строится на стремлении преобразить этот мир, через пришествие в него Истины, Добра, Красоты, олицетворением которой является Христос; соответственно, сюжет Рождества выходит на первое место по сравнению с пасхальным сюжетом» [3, с. 115–116]. Отчасти такое утверждение справедливо; так, например, в лирике А. А. Блока используются не только рождественский сюжет, но и рождественские мотивы как принцип построения поэтики текстов. Однако поэтика лирических текстов сложнее – она не сводима только к какому-то одному доминирующему принципу и является как бы многослойной, то есть использует различные средства для выражения смыслов. Одним из таких «слоев» является литургический или богослужебный язык, или то, что в названии статьи было обозначено как «богослужебная поэтика». Анализ таких поэтических элементов возможен различными методами, в том числе методом интертекстуального анализа, который представляется здесь наиболее адекватным: интертекст – это пространство схождения всевозможных цитат, культурных кодов, «интертекстуальность понимается как свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами» [6, с. 19]. В данном случае язык богослужения и вообще всего, что относится к богослужебной сфере, является как раз тем первичным текстом, на котором строится текст поэтический. Однако функция такого языка в поэзии не сводится только к эстетической: это есть выражение определенного мировоззрения.

Богослужебная поэтика лирических текстов Серебряного века проявляет себя двояко – эксплицитно и имплицитно. Эксплицитный способ проявления наиболее прост и представляет собой использование конкретных лексем, относящихся к семантическим полям «христианство», «храмовое пространство» и подобным:

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная...
Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.
Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно (1901) [2, с. 41].

Это одно из тех стихотворений, в котором лирический герой явно отделен от автора (стихотворение написано от лица женщины) и в то же время соединяется с ним, так что в конце текста уже невозможно их различить: здесь действует то своеобразное «правило» субъектной организации текста, согласно которому точка зрения героев рассматривается «как ключ к ценностному миру их автора» [7, с. 18]. Субъектная организация этого стихотворения связана с его реальной основой – в воспоминаниях Л. Д. Блок содержится следующий фрагмент: «...почти машинально вошла в Казанский собор. Я не подошла к богатой и нарядной, в брильянтах, чудотворной иконе, залитой светом, а дальше – за колоннами – остановилась у другой, Казанской, в полутьме с двумя-тремя свечами, перед которой всегда было тихо и пусто. Я опустила на колени, еще плохо умея молиться... Пришли облегчающие, успокоительные слезы. <...> В сумерки октябрьского дня я шла по Невскому к собору и встретила Блока. Мы пошли рядом. Я рассказала, куда иду и как все это вышло. Позволила идти с собой. Мы сидели в стемневшем уже соборе на каменной скамье под окном, близ моей Казанской. То, что мы тут вместе, это было больше всякого объяснения» [2, с. 379]. Именно этот случай Блок описывает в стихотворении, и богослужебная лексика в этом случае – закономерное выразительное средство, средство передачи реальной обстановки. Подобное использование литургической поэтики для Блока скорее исключение, чем правило, так как в других стихотворениях ее функция уже не просто изобразительная, а иная – сакрализирующая.

В раннем цикле «Ante lucem» (1898–1900) богослужебная поэтика как раз выполняет такую функцию – сакрализирует язык

любовной лирики. Так происходит, например, в стихотворении «Servus – Reginae»:

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой – слуга; порою – милый;
И вечно раб (1899) [2, с. 27].

Здесь мы видим пример того, как сакральный язык становится языком любовной поэзии особой традиции, унаследованной Блоком от Данте и Петрарки, а если смотреть еще далее – от поэзии европейских трубадуров, воспевавших возлюбленную подобно Деве Марии. Стихотворение «Servus – Reginae», таким образом, представляет собой образец не философско-мистической, а интимной лирики: с одной стороны, Блок использует слова религиозной семантики, начиная уже с названия, отсылающего к католической традиции именованной Пресвятой Девы (Regina, не зря поэт оставляет именно латинское название), – *храм, склонюсь главою, раб*. Однако с другой стороны лирический герой – это герой влюбленный, на что указывают слова и словосочетания *к твоим ногам, мгновенные свиданья, вновь желать, твоих страстей подвержен силой, милый*. Опыт общения с возлюбленной дискретен, подобно опыту общения с Божеством, иногда этот опыт невозможен и превращается в ожидание. Так, в цикле «Стихи о Прекрасной Даме», поэтически и содержательно продолжающем первый цикл «Ante lucem», ряд стихотворений посвящен как раз такому ожиданию явления возлюбленной, которая наделяется неземными чертами через употребление богослужебной лексики:

Бегут неверные дневные тени.
 Высок и внятн колокольный зов.
 Озарены церковные ступени,
 Их камень жив – и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
 Одетый страшной святостью веков,
 И, может быть, цветок весны уронишь
 Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
 Высок и внятн колокольный зов,
 Ложится мгла на старые ступени...
 Я озарен – я жду твоих шагов (1902) [2, с. 45].

Хронотоп этого лирического текста полностью строится на литургической поэтике: локусом присутствия лирического героя и явления героини предстает храмовое пространство (*колокольный зов, церковные ступени, камень, одетый святостью веков, у строгих образов*); в этом пространстве ожидается встреча (*я озарен – я жду твоих шагов*), но в сакральном пространстве храма встреча может произойти только с тем, нездешним миром. Лирический герой находится на границе двух миров – между бытом (здесь) и бытием (там), и это пограничное состояние, типичное для романтической и символистской поэтики, выражается в стихотворном тексте при помощи особой, литургической лексики.

В другом стихотворении лирический герой сам находится в сакральном храмовом пространстве и так же ожидает прихода возлюбленной:

Я, отрок, зажигаю свечи,
 Огонь кафельный берегу,
 Она без мысли и без речи
 На том смеется берегу.

Люблю вечернее моление
 У белой церкви над рекой,
 Передзакатное селенье
 И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря (1902) [2, с. 51–52].

Этому стихотворению предпослан эпиграф из Евангелия от Иоанна: «Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха» (Ин. 3:29). Эпиграф является одним из эксплицитных вариантов интертекстуальности: «эпиграф, с одной стороны, выявляет интенцию автора, с другой – формирует пресуппозицию читателя, создает прагматические условия понимания текста как метатекста» [6, с. 151]. Таким образом, здесь эпиграф определяет религиозную направленность: стихотворение есть опять же образец интимной лирики Блока, где профанная, земная любовь возрастает до любви сакральной, что на семантическом уровне выражается через богослужебную лексику: *отрок, свечи, огонь кадилный, вечернее моленье, белая церковь, церковная ограда, жених сойдет из алтаря*. Последняя строфа как раз является отголоском эпиграфа, поднимая стихотворение от любовной лирики к лирике религиозной:

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря.

Если на протяжении всего стихотворения лирический герой ждал «тайной красоты», то здесь читатель возвращается к эпиграфу, что придает поэтическому тексту эсхатологическое звучание.

Два ранних цикла Блока строятся на литургической поэтике: культ Вечной Женственности, который поэт развивает вслед за Вл. Соловьевым, выражается в поэтических текстах именно через богослужебную лексику и богослужебные мотивы (образы,

сюжеты). Однако следует отметить, что здесь имеет место двоякий процесс: с одной стороны, за счет контаминации с литургическим языком происходит сакрализация языка поэтического; с другой стороны, этот литургический язык сам десакрализуется, становясь языком любовной лирики, потому что Прекрасная Дама – это все же образ возлюбленной, хотя и возведенный практически до Богородицы. Здесь Блок следует европейской традиции почитания Девы Марии: «культ [Девы Марии] был окрашен эротически; платоническая любовь к «Царице» <...> была скорее «рыцарской», чем «монашеской», в ней было больше страстного влечения» [4, с. 394].

Лирика А. Блока является наиболее показательной в анализе богослужебной поэтики, так как именно Блок совершил в поэтическом языке тот двойной процесс, о котором шла речь выше: в его поэзии, особенно первого периода «трилогии вочеловечения», через литургическую поэтику произошла сакрализация языка любовной лирики, перешедшей из сферы быта в сферу бытия. Обратная сторона этой сакрализации – это переход богослужебной лексики, поэтики в план любовной лирики (то, что ранее было названо десакрализацией языка). В поэзии других представителей Серебряного века богослужебная лексика, сюжеты, мотивы выполняют скорее функцию ситуационную, функцию обрамления, подобно тому, как в стихотворении Блока «Медленно в двери церковные...». Так, в «Трилистниках» И. Ф. Анненского есть сонет «Перед панихидой»:

Два дня здесь шепчут: прям и нем
 Все тот же гость в дому,
 И вянут космы хризантем
 В удушливом дыму.

Гляжу и мыслю: мир ему,
 Но нам-то, нам-то всем,
 Иль люк в ту смрадную тюрьму
 Захлопнулся совсем?

«Ах! Что мертвец! Но дочь, вдова...»
 Слова, слова, слова.
 Лишь Ужас в белых зеркалах

Здесь молит и поет
И с поясным поклоном Страх
Нам свечи раздает [1, с. 155].

Название уже отсылает к церковной жизни, как и слова и выражения богослужебной лексики (*мир ему, молит и поет, с поясным поклоном, свечи*). Функция литургической поэтики здесь – ситуационная, и через эту ситуацию Анненский передает ощущение безвыходности и тоски, столь свойственное его лирике.

Помимо символистов, стоит также упомянуть некоторые стихотворения Марины Цветаевой, широко использовавшей богослужебные языковые элементы. Показательно, что стихотворение «Ты проходишь на Запад Солнца», посвященное А. Блоку, полностью построено на литургической поэтике, точнее – на одном из богослужебных песнопений. Тем самым Цветаева поэтически почувствовала, что символист Блок как раз был близок богослужебному языку. Для понимания поэтики стихотворения и его интертекстуальных переключек необходимо привести текст целиком:

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель замечает след.

Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег –

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий – святыя славы –
Вседержитель моей души [9, с. 102–103].

Среди исследователей существует точка зрения, что стихотворение Цветаевой, на первый взгляд, совсем не напоминает читателю о первоисточнике – церковном песнопении «Свете Тихий»: «Стихотворение настолько непосредственно и первично, что его прообраз – «Вечерняя песнь Сыну Божию священномученика Афиногена» – звучит даже неожиданно» [8, с. 419]. Действительно, первичным текстом служит один из древнейших образцов церковной гимнографии, однако Цветаева разворачивает первичный текст, превращая его из хвалебной песни Господу в признание в любви Блоку. Литургическая поэтика здесь обусловлена первоисточником: *Божий праведник, Свете тихий, восковой святой лик, во имя твое святое, святыя славы, вседержитель* – все эти лексемы отсылают не только к гимну «Свете Тихий», но и к молитве «Отче наш», и к церковной поэтике вообще, так как Цветаева местами сохраняет еще и морфологическую церковнославянскую форму слов. Образ, создаваемый Цветаевой, обладает чертами возвышенности: *бесстрастный, Божий праведник мой прекрасный, восковой святой лик, имя святое, поступью величавой, вседержитель моей души*. Однако этот образ лишен момента мистического, подобного тому, который присутствует в блоковских циклах «Ante lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме». У Блока литургический язык скорее сакрализует любовное чувство, хотя иногда происходит и его десакрализация, и у Цветаевой происходит то же самое, однако без тени мистики или присутствия нездешнего мира – Цветаева говорит именно об этом мире и о Блоке как о своем возлюбленном, который, хотя и свят для нее, но тем не менее является вполне земным человеком: «Стихи к Блоку» – это «разговор с божеством. Но в них нет и тени мистики: Цветаева была ей абсолютно чужда. Нет в них и религиозности: напротив, Цветаевой

всегда была присуща внерелигиозность... Молитвенная форма служит ей лишь для вящей убедительности выражения чувства любви и желания «покаяться» [8, с. 421].

Таким образом, даже из проведенного краткого анализа видно, что литургическая, богослужебная поэтика становится культурным кодом для рецепции прежде всего поэзии символистов, попытавшихся запечатлеть явления нездешнего бытия и чувствование этого бытия в мире бытовом средствами поэтического языка. Разделяя, подобно платоникам, любовь на профанную и сакральную, русский символизм в лице А. Блока меняет язык любовной лирики, сакрализуя его за счет использования богослужебной лексики, литургических мотивов и сюжетов, следуя тем самым скорее не за французским символизмом, по праву считающимся предтечей русского символизма, а за петраркистской традицией, черпавшей вдохновение в любовно-мистической поэзии Средневековой Европы.

За пределами статьи остались стихотворения С. Есенина, в которых литургическая поэтика имела иное значение и функцию, отличную от той сакрализации, которая была столь свойственна символистской поэзии, – это предмет отдельного исследования, так как в поэзии Есенина (особенно ранней) осуществился синкретизм языческой и православной традиций, чуждый поэтике символизма. Также необходимо упомянуть А. Ахматову, анализ поэтических произведений которой с точки зрения поэтики молитвы, литургической поэтики также является темой другой работы. В пределах данной небольшой статьи была предпринята попытка показать, что язык, в том числе язык поэтический, является не только средством выражения смыслов, но и способом конструирования действительности, способом и модусом бытия: «Язык в бытийственном срезе не есть только грамматическая система, не есть способ коммуникации... Язык есть способ бытия» [5, с. 568].

Список литературы

1. Анненский, И. Ф. Кипарисовый ларец / И. Ф. Анненский. – Москва : Книга и бизнес, 1992. – 365 с.
2. Блок, А. А. Стихотворения и поэмы / А. А. Блок. – Москва : Худож. лит., 1984. – 414 с.

3. *Волкова, А. Г.* Рождественский архетип в русской поэзии XX века / А. Г. Волкова // Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие : XX Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (в рамках Междунар. Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур), Москва, 22–24 мая 2019 г. – Москва : Гос. Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 115–119.

4. *Гайденок, П. П.* Вл. Соловьев и философия Серебряного века / П. П. Гайденок. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.

5. *Кребель, И. А.* Мифопоэтика Серебряного века / И. А. Кребель. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – 592 с.

6. *Кузьмина, Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. / Н. А. Кузьмина. – Москва : КомКнига, 2007. – 272 с.

7. *Меерсон, О.* Персонализм как поэтика : литературный мир глазами его обитателей / О. Меерсон. – Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2009. – 432 с.

8. *Саакянц, А.* Марина Цветаева об Александре Блоке / А. Саакянц // В мире Блока : сб. статей. – Москва : Современ. писатель, 1981. – С. 415–425.

9. *Цветаева, М. И.* Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. / М. И. Цветаева. – Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2008. – 1214 с.

UDC 821.161.1

LITURGICAL POETICS OF RUSSIAN SILVER AGE: EXPERIENCE OF INTERTEXTUAL ANALYSIS

Anna G. Volkova
PhD in Philology
Associate Professor
Chair of History and Church Sciences
Vice-rector for Research
Kaluga Theological Seminary
E-mail: kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

For citation: Volkova A. G. Liturgical poetics of Russian Silver Age: experience of intertextual analysis // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 4 (13), pp. 194–206. (in Russian)

Abstract

The main point of this article is to study poetry of Russian Silver Age in the context of liturgical language. In some poems by A. Blok, I. Annensky one can find use of liturgical words and word combinations that not only have an aesthetic function but also appear as a means of expressing specific sacral meanings. So there is a sacralization of the poetical language, and it was strongly expressed in symbolists' poetry.

Keywords: poetics; Silver Age; intertext; liturgical context; liturgical lexis; sacralization.

References

1. *Annenskyi, I. F.* Kiparisovyi larets [Cypress box]. Moscow, Books and Business Publ., 1992, 365 p. (in Russian)
2. *Blok, A. A.* Stikhotvoreniya i poemy [Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1984, 414 p. (in Russian).
3. *Volkova, A. G.* Rozhdestvenskiy arkhetyp v russkoi poezii XX veka [Christmas archetype in Russian poetry of the 20th century]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii "Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie"

[Proceedings of the International scientific and practical conference “Slavic Culture: Origin, Traditions, Interaction”], 2019, pp. 115–119. (in Russian)

4. *Gaidenko, P. P.* VI. Solovyev i filosofia Serebryanogo veka [VI. Solovyev and the philosophy of the Silver Age]. Moscow, Progress-Traditsia Publ., 2001, 472 p. (in Russian)

5. *Krebel, I. A.* Mifopoetika Serebryanogo veka [The Mythopoetics of the Silver Age]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2010, 592 p. (in Russian)

6. *Kuzmina, N. A.* Intertekst i ego rol' v protsessakh evolutsii poeticheskogo yazyka [Intertext and its role in the evolution of the poetical language]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 272 p. (in Russian)

7. *Meerson, O.* Personalism kak poetika: Literaturnyi mir glazami ego obitatelei [Personalism as a poetics: the world of literature seen by its inhabitants]. Saint Petersburg, Pushkinskii dom Publ., 2009, 432 p. (in Russian)

8. *Saakyants, A.* Marina Tsvetayeva ob Aleksandre Bloke [Marina Tsvetayeva about Alexander Blok]. Sbornik statei “V mire Bloka” [Collection of articles “In the World of Blok”], Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1981, pp. 415–425. (in Russian)

9. *Tsvetayeva, M. I.* Polnoye sobranie poezii, prozy, dramaturgii v odnom tome [Complete works of poetry, prose and dramas in one volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2008, 1214 p. (in Russian)